

Секция «Востоковедение, африканистика»

Проблема красоты и истины в «Весах суждений» Ван Чуна (I в. н.э.). Барбошкин Константин Евгеньевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт
стран Азии и Африки, Москва, Россия
E-mail: baraboshkin-kons@yandex.ru

Первым, кто поднял вопрос о красоте и истине был Лаоцзы. Его высказывание в трактате «Дао Дэ цзин»: «Нет красоты в правдивом слове, нет правды в сказанном красиво» (Семененко, 1999, с. 170) [1] - обозначило проблему красоты и истины для последующих поколений. Однако, сам Лаоцзы или, к примеру, последователи Чжуанцзы, не уделяли практически никакого внимания теоретическому обоснованию единства красоты и истины. Последователи же Конфуция были абсолютно уверены в необходимости единства красоты и добра, однако они не считали, что этот вопрос нуждается в каком-либо дополнительном подтверждении и обсуждении. Автор «Весов суждений», мыслитель первого века нашей эры, Ван Чун, одним из первых после Лаоцзы не только обозначил проблему красоты и истины, но и дал её весьма убедительное теоретическое обоснование.

Среди всех видов искусства самым полезным он считал литературу (стоит отметить, что в эту эпоху *вэнь* (изящная словесность), о которой говорит мыслитель – литература в очень широком смысле), а к таким видам искусства, как, к примеру, живописи, относился с пренебрежением: «Наблюдая наружность выдающихся людей [на картинах], разве можно постичь их речи и поступки? Если повесить картины на пустую стену, то облик будет сохранён, но зрители не воодушевятся, [так как] не будут [слышать] их речи и [видеть] их поступки. Оставшиеся же от премудрых тексты, нанесённые на бамбук и шёлк, сохраняют ясность, разве могут с ними сравниться картины, висящие на стенах!?» (Чжан Сыли, 2008, с. 341) [4].

Мыслитель также считает, что в произведениях искусства нельзя описывать того, чего не существует, нужно писать только о том, что есть в нашем мире. Поэтому изображения с образами небожителей он называет лживыми, аргументируя это тем, что в нашем мире не существует людей, чьи «плечи превращаются в крылья, кто может летать в облаках . . . , и тех, кто живёт тысячелетиями» (Чжан Сыли, 2008, с. 37) [4]. Из этих отрывков можно сделать несколько выводов: в искусстве (и, прежде всего, в литературе) мыслитель ценит практическую пользу – искусство должно играть немалую роль в управлении государством, оно должно описывать поступки предков, воспитывая последующие поколения. Мысль должна излагаться чётко и ясно, а главное – правдиво. По словам самого мыслителя, в его эпоху появилось множество гадательных книг и псевдоканонической литературы, которая повествовала о фактах, не имевших ничего общего с действительностью. Однако такого рода литература была популярна, так как рассказывала о вещах удивительных и необыкновенных. Ван Чун посвящает свой труд борьбе с ложью, которую такие книги порождают. Становится понятным, что в такой обстановке спор о красоте и истине обострился, а критерий истинности, который выдвигается автором, напрямую связан с литературой. Мыслитель даёт следующую характеристику своему труду: «Три сотни Песен заключены в одной строке, гласящей:

«Его мысль не уклоняется». Десятки глав «Весов суждений» также заключены в одной фразе: «Ложь ненавистна» (Чжан Сыли, 2008, с. 520) [4].

Понятие «истина» настолько тесно переплетается у мыслителя с понятием «красота», что у него рождается новая категория: истинно прекрасное. Из глав труда, посвящённых литературе, становится ясно, что истинно прекрасными являются те речи, которые направлены для борьбы с ложью. Это главный мотив «Весов суждений» и всей эстетики Ван Чуна. Однако, что же это за истина? Главное, чего стоит избегать в искусстве, по Ван Чуну, – приукрашивания действительности. Ведь искусство, по мыслителю, обладает воспитательной функцией, а приукрашенная действительность отражается на качестве воспитания последующих поколений, что ведёт к нестабильности в обществе. Получается, что по Ван Чуну истина – это соответствие действительности.

Исследователи ставят Ван Чуну в упрёк такое требование истинности мыслителя для всех произведений литературы [2, 3, 5]. Однако выше уже отмечалось, что литература понимается автором в широком смысле. И художественная правда (включающая вымысел), которую не учитывает, по мнению некоторых исследователей, Ван Чун, ещё не вполне осознаётся. Из рассуждений мыслителя в главе «О преувеличении в литературе» следует тот факт, что Ван Чун не отрицает красоту слова, и не противится применению таких литературных приёмов, как гиперболы или метафоры. Однако он требует, чтобы такого рода «украшения речи» служили утилитарной функции литературы – помогали литераторам донести до людей истину. Мыслитель выступает лишь против «пустых украшательств» - произведений, которые написаны для красоты слога и не несут никакой смысловой нагрузки. Таким образом, можно сказать, что Ван Чун не столько отрицает художественную специфику литературы, сколько отодвигает её на второй план. На первом же плане стоит литература, которая играет роль в изменении общественных нравов: «Того, что несёт пользу обществу – и сотня глав не повредит, а что не несёт пользы – и одно произведение будет бестолку». (Чжан Сыли, 2008, с. 737) [4].

Стоит также обратиться к ещё одному его высказыванию о том, что литераторы «записывают поступки людей, передают [последующим поколениям] их имена. Добродетельные люди желают [быть внесёнными в эти] записи, поэтому помыслы и деяния их добры; люди злые питают отвращение к [подобным] записям, и всеми силами стараются их запретить или сократить. Поэтому кисть литератора поощряет добро и искореняет зло». (Чжан Сыли, 2008, с. 519) [4].

Таким образом, идеал истинно прекрасного в искусстве у Ван Чуна – произведение, написанное простым языком, не искажающее фактов действительности, играющее большую роль в воспитании последующих поколений. Такой взгляд накладывает свой отпечаток на литературу, ставя функциональные жанры во главу угла. Но в этих рамках намечается тенденция и к пониманию эстетической функции словесных произведений.

Литература

1. Семененко И.И. Лаоцзы. Обрести себя в Дао. М.: Республика, 1999.
2. Минь Цзэ. Чжунго вэньсюэ лилунь пипин ши (шан, ся цзюань). Пекин: Жэньмин Вэньсюэ. 1981.

3. Цай Чжунсян, Хуан Баочжэнь, Чэн Фуван. Чжунго вэньсюэ пипин ши (шан, ся цюань). Пекин: Бэйцзин Чубань. 1987.
4. Чжан Сыли. Чжунго гудай вэньхуа цюань юэду (ди и цзи, ди шицзю цэ). Луньхэн (шан, ся цэ). Чанчунь: Шидай Вэнь'И. 2008.
5. Чжан Шаокан. Чжунго вэньсюэ лилунь пипин ши (шан, ся цэ). Пекин: Бэйцзин Дасюэ. 2005.